

Василий Брусянин

Певучая гитара

Ни живые – ни мёртвые

Василий Брусянин

Певучая гитара

«Public Domain»

1904

Брусянин В. В.

Певучая гитара / В. В. Брусянин — «Public Domain», 1904 — (Ни живые – ни мёртвые)

ISBN 978-5-457-73216-2

«Сегодня обычно в шесть часов вечера Евлампия Егоровна, квартирная хозяйка, внесла в мою комнату самовар, вздохнула, погремела чайной ложкой о край стакана, словно желая тем оторвать меня от книги, и с чуть заметной усмешкой в голосе проговорила: – Загулял наш Иван Тимофеич!.. – Что так? – Радость у него большая – чин первый дали...»

ISBN 978-5-457-73216-2

© Брусянин В. В., 1904
© Public Domain, 1904

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Василий Брюсянин

Певучая гитара

Сегодня обычно в шесть часов вечера Евлампия Егоровна, квартирная хозяйка, внесла в мою комнату самовар, вздохнула, погромела чайной ложкой о край стакана, словно желая тем оторвать меня от книги, и с чуть заметной усмешкой в голосе проговорила:

– Загулял наш Иван Тимофеич!..

– Что так?

– Радость у него большая – чин первый дали...

При этой фразе лицо Евлампии Егоровны преобразилось: усмешка сбежала с её тонких бледных губ, а в глазах отразилось серьёзно-деловое выражение. Немного отступив к двери, она почему-то пристально посмотрела на меня и добавила:

– Семнадцать лет служил – вот и дослужился... Оно всегда так бывает, если верой да правдой служить... Вон, то же, мой-то покойный Савелий Игнатьич... Продли Бог веку – до ассессора дослужился бы... Крестик-то, вон, на аленькой ленточке, по сей час у меня в сундуке: за беспорочную десятилетнюю службу дали...

Она вздохнула, потрогала рукою печь, открыла отдушину и добавила:

– После обеда на минутку заглянул и опять... На Выборгскую сторону для чего-то поехал... Ну, что же – дай ему Господь Бог всего лучшего... Человек бился-бился... Тоже несладка она, служба-то... Вон и мой-то, покойник Савелий Игнатьич... тоже... Господи!..

Она что-то ещё говорила, притворив за собою дверь, но смысла её речи я не уловил.

Иван Тимофеич так же как и я жилец Евлампии Егоровны. Его комната напротив моей через коридор. Узкая и короткая, с печью в углу у двери, с закоптевшей штукатуркой потолка и с тёмно-серыми обоями, она выглядела неуютной и тёмной, потому что единственное окно её выходило к стене соседнего дома. Кровать, комод, стол и два стула – её меблировка; над комодом овальное зеркало в багетовой раме, а в углу у окна этажерка, на которую Иван Тимофеич прибирает жестянки с чаем и сахаром, на верхнюю полку складывает номера уличной газеты, которую ежедневно приносит со службы. У Ивана Тимофеича есть ещё семиструнная гитара, с потемневшей верхней декой, деревянными колками и с перламутровыми глазками на грифе.

С Иваном Тимофеичем я познакомился месяца через два после того, как переселился к Евлампии Егоровне. Это было на Рождестве. В обычае старушки чиновницы было приглашать в первый день праздников всех своих жильцов к обеду. Обычай этот установился ещё со счастливых лет жизни Евлампии Егоровны, когда жив был Савелий Игнатьич, и старушка страшно сердилась, если кто-нибудь из жильцов не отзывался на её зов.

Помнится, когда я переступил порог единственной комнаты, где жила хозяйка, из-за обеденного стола поднялся высокий и худощавый человек, с которым я и раньше встречался, но не был знаком. Заботливо оправил он полы своего тёмного сюртука, щипнул пальцами жидкую бородку, кашлянул и протянул мне костлявую холодную руку. Он тихо произнёс свою фамилию, улыбнулся и предложил мне стул. В это время в комнате появилась Евлампия Егоровна, в переднике, в тёмной косынке на голове и с сокрушением в лице.

– Терентьев-то вот нейдёт, говорит, что его приглашали куда-то на обед... раньше...

Терентьев, студент-горняк, был третьим жильцом Евлампии Егоровны, занимая комнату направо от входа, рядом с комнатой Ивана Тимофеича.

Евлампия Егоровна сдвинула на край стола третий прибор, очевидно, предназначавшийся для изменщика Терентьева, и, вздохнув, добавила:

– Ну, что ж, Господь с ним... Пожалуйте, господа, пожалуйста – я пирожка вам отрежу...

Хозяйка усадила нас за стол и вышла.

Я посмотрел на своего нового знакомого. Перебирая пальцами бахромой белоснежной скатерти, которой был накрыт стол, он задумчиво рассматривал узор на своей тарелке и молчал.

– Вот так в Петербурге-то живёшь, живёшь в одной квартире, а знакомства-то и нет, – начал он, с трудом выдавливая слова.

Голос его был густой, но глухой и робкий, точно он не говорил, а осторожно пробовал какую-то громогласную музыкальную медную трубу, сдерживая напор воздуха и надуваясь.

Я согласился с собеседником, что, действительно, в Петербурге наблюдается эта особенность общежития, и он поднял на меня глаза.

– Вот и у нас в управлении тоже, сидишь с чиновниками за одним столом, в одну чернильницу макаешь, ну, разумеется, как зовут – знаешь, а чтобы знакомство водить, так нет, не знаешь даже, где они и живут-то... Только вот и знаю, где столоначальник наш живёт, Игнатий Николаич Савин: с бумагами я как-то к нему ходил... Ну, да ведь у нас с ним знакомство короткое: пришёл, поклонился, сел, взял какую-нибудь бумажку, перебелил её да и на подпись...

Евлампия Егоровна внесла на двух тарелках по куску пирога с визигой.

– Кушайте, господа, пожалуйста... Вот тут и водочка поставлена и портвейн, – разводя руками, говорила она.

– И самим бы вам, Евлампия Егоровна, выкушать, – говорил Иван Тимофеич, разливая водку.

Мы все чокнулись, поздравляя друг друга с праздником, и приступили к пирогу. Хозяйка, однако, отказалась разделить с нами трапезу и скоро ушла в кухню, где на плите что-то шипело.

Иван Тимофеич разрезал пирог на маленькие кусочки и ел медленно, рассматривая каждую частицу, прежде чем отправить её в рот. Покончив с пирогом, он потянулся было за графином, но после моего отказа от водки разлил по рюмкам портвейн.

Хозяйка принесла жареного гуся так же как и пирог порциями на двух тарелках для меня и для Ивана Тимофеича. Мы выпили портвейн. Евлампия Егоровна ещё раз попросила нас кушать, добавив, что если мы с этим покончим, и гусь понравится – то и ещё можем попросить. Сообщила она ещё и о том, почему дёшево удалось купить гуся на Андреевском рынке, и мы снова остались вдвоём.

– Вот ваша служба совсем другая, – начал Иван Тимофеич, – вы всё больше дома пишете... Да только, видно, и у вас нелёгкая работа! Иной раз проснёшься в середине ночи, посмотришь на стекло над дверью, а у вас всё огонь да огонь... два или три часа ночи, а у вас всё свет...

Он с лаской посмотрел мне в глаза и вздохнул. Я объяснил собеседнику, каков род моей работы, и почему я предпочитаю работать ночью. Он кивнул головой, пристально посмотрел мне в лицо и тихо добавил:

– Работа эта хорошая, что говорить...

Мы заговорили о газетах. Иван Тимофеич сообщил мне содержание романа, который он теперь читает в фельетонах уличной газетки, расхвалил автора, высказал предположение, чем, по его мнению, должен кончиться роман и, повысив голос, спросил:

– А отчего они фамилию свою не выставляют? Вот и этот под романом-то подписывается А. Тр-в, а кто он такой? Что его за фамилия: Трубников ли, Треплев ли, или ещё какая?... Я думаю, так какие-нибудь люди в больших чинах подписываются?..

Как мог, я объяснил ему мотивы, почему иногда писатели скрываются под псевдонимами, и он, видимо, не так поняв моё объяснение, воскликнул:

– А-а!.. Значит, бывает и так, что писателю и стыдно полностью-то подписаться под своим произведением! Лучше бы тогда уж и не писать!.. Вот и в этом-то романе, нет слов,

забавно и интересно всё описывается, а как прочтёшь да потом подумаешь на свободе – и такая в нём чертовщина!..

Мы съели суп и гуся, и Евлампия Егоровна принесла компот, до которого Иван Тимофеич оказался охотником. Хозяйка с блюдцем в руках присела на стул и начала:

– А вот вы, я слышала, говорили, что в Петербурге люди знакомства не водят. И я об этом думала – отчего бы так?.. Вон у меня – года три тому назад, в шестой линии я жила – парикмахер с женой жил, приказчик один, да артельщик козухинской артели, – так те все между собою перезнакомились... Да ещё что – ревновать жену парикмахер-то стал к артельщику... Нет, я так думаю, что простые люди, не господа, – проще: одному Богу молятся, заскребёт на сердце – так и одну песенку затянут...

Евлампия Егоровна понизила голос и почти шёпотом добавила:

– Вон студент-то... Зовут его откусать вместе, а он... бррр!.. фу ты-ну ты!.. в сторону... А отчего?.. А оттого, что он вон белые перчатки на руки натянет, наденет на нос очки с верёвочкой, а Евлампия-то Егоровна весь день в переднике ходит, сама и плитку топит, сама и в комнатах прибирает... Вот оно и выходит – перчатки-то у нас разные...

Евлампия Егоровна рассмеялась.

– Так уж это, людям нечего друг с другом говорить, вот они и не знакомятся... Опять же...

– Нет уж, Иван Тимофеич! – резко перебила гостя хозяйка. – Спокон веков так было и будет... Барин ли, чиновник, мастеровой... студент и там ещё кто – все по разному живут, и разные у них думы и души-то разные у них!.. Дядя у меня был – дьяконом в Андреевском соборе служил – так тот, бывало, так говорил: «Дьякон знает в три раза больше, чем дьячок, и в три раза больше может, священник знает больше дьякона в девять раз и в девять раз больше смеет... Архиерей больше всех знает и больше всех смеет»... Вот как старые-то люди говорили, а он, дядя-то, 87 лет прожил, тридцать пять лет в одном соборе дьяконом прослужил!.. Всё, значит, от знания, кто больше знает, тот больше может.

– По-моему – не так! – возразил Иван Тимофеич. – Вон у нас секретарь управления разве больше знает, чем наш Игнатий Николаич Савин? Все говорят, что меньше, а он им командует... Да... А почему?.. Дело всё в чине: секретарь-то надворный советник, а наш столоначальник – коллежский асессор... То же и там – священник выше дьякона и больше, значит – и больше смеет, архиерей выше священника... Так вот и везде: человек служит без чина, и нет ему ни хода, ни уважения, а как какой счастливчик схватил хоть первый чин – и всё-то, всё переменится...

– А как же те, что без чинов живут? Те совсем ничего не значат? – спросил я, вспомнив, что за мною ничего такого не значит.

Он задумался, посмотрел на меня и промолчал.

– Кто знает... может быть, что-нибудь и не так в наших разговорах, – разрешила рассуждения Евлампия Егоровна и принялась убирать со стола.

Мы помолчали.

– А вы на гитаре не играете? – спросил меня Иван Тимофеич.

– Нет.

– А вот я купил гитару и самоучитель... Только никак не могу выучиться по нотам, а так две-три песенки кое-как играю... А вон, говорят, Игнатий Николаич Савин хорошо играет... Страсть, говорят, как хорошо играет! Не удалось только мне его слышать-то...

– Вы уроки бы взяли, – посоветовал я.

– Ну, где там ещё уроки! Так уж, верно, пальцы не так устроены...

Он посмотрел на свои худые костлявые пальцы, сжал их в кулак, поднося ближе к глазам, потом снова выпрямил их и посмотрел на ладонь. После этого он принялся грызть ноготь...

– Когда-нибудь надо взять урок... Может быть, тут самую малость и выучиться-то надо: ладонь научиться прикладывать к грифу, как следует, или пальцами научиться прижимать струны...

Он смолк и задумался.

Иногда я, действительно, слышал игру Ивана Тимофеича на гитаре, особенно по вечерам, когда всё в нашей квартире замрёт, и долгие часы затишья кажутся унылыми и навевающими тоску. Иван Тимофеич играет всегда что-то нудное и скучное...

Мы встали, поблагодарили появившуюся хозяйку за обед и вышли в коридор.

– Может быть, вы хотите посмотреть мою гитару, – начал Иван Тимофеич, когда мы дошли до такой точки коридора, откуда надо было разойтись по своим комнатам: ему направо, мне налево.

Мне показалось, что не гитара – настоящая причина, почему он предложил мне зайти к нему. Из встречи за обедом я понял, как он рад познакомиться с ближайшим соседом; я подозревал даже, что и разговор о петербуржцах, не охотниках на знакомство, завёл он, поддавшись потребности высказать нечто наболевшее в его одинокой душе.

Я высказал желание посмотреть гитару, и мы вошли в его тёмную комнату. Усевшись на кровать с гитарой, он долго что-то вертел колки, ударяя то в одну, то в другую из струн, потом опять принимался за колки и, настроив инструмент, вручил его мне, говоря:

– Посмотрите, какая она хорошая... Доска нижняя немного со щёлкой, но, говорят, от этого гитара делается лучше: певучей она, говорят, делается...

Я взял гитару, повертел её в руках, посмотрел на трещину, благодаря которой гитара стала певучей, и провёл пальцем по струнам, пробудив в инструменте нестройные звуки. Иван Тимофеич улыбнулся.

– Вы, верно, и в правду не играете, и гитаре-то у вас в руках не лежится, – заметил он, говоря о своём любимом инструменте как о живом существе.

Он взял у меня гитару, положил её так, как следует класть во время игры, и взял на струнах несколько аккордов. В комнате дрогнули звуки, стройные, но робкие и печальные. Я посмотрел ему в лицо. Оно было серьёзно и, как мне показалось, немного побледнело, черты его как будто разом обострились и стали строже, а глаза засветились, точно с них сняли какую-то матовую оболочку. Он ещё взял несколько аккордов, таких же грустных и робких, и усталился глазами куда-то в угол...

Аккорды смолкли. Иван Тимофеич как-то стремительно закурил папиросу и снова, попыхивая дымом, склонился над инструментом. Хозяйка внесла нам по стакану кофе с бисквитами и безмолвно удалилась, словно боясь нарушить молчание.

Иван Тимофеич наигрывал ту самую нудную песню, которую я уже не раз слышал, сидя у себя.

– Что это за песня? – спросил я его, когда он перестал играть.

– А я и сам не знаю... Пётр Евграфыч её играл... У нас чиновник такой был, он ещё родственником мне дальним приходился... Вот он и играл, и гитару-то эту я у его жены купил... Месяцев пять тому назад умер он...

Музыкант сильно затянулся папиросой и снова заиграл что-то новое, повеселее...

– А это что? – спросил я.

– Эх вы, не знаете!.. Это романс: «Лови, лови часы любви»... [*Н. М. Коншин «Век юный, прелестный...». Прим. ред.*]

Он положил гитару на кровать и заметил с сокрушением в голосе:

– Плохо у меня выходит... Надо что-нибудь с пальцами сделать...

Мы принялись за кофе. Не докончив стакана и до половины, он вдруг снялся с места и, схватив гитару, уселся на стул, ближе ко мне.

– А вот эта песня у меня выходит... – аккомпанируя на гитаре, он негромко запел:

Сердце ли рвётся, ноет ли грудь –
Пей пока пьётся, всё позабуди.¹

Он долго пел, потом отложил гитару, прошёлся по комнате, ероша волосы и, остановившись около меня, проговорил:

– А знаете ли что... не выпить ли нам пива... А?... Я приготовил для праздников...

Не дождавшись моего ответа, он повалился на кровать, запустил за неё руку и одну за другою извлёк четыре бутылки. Потом он сходил к хозяйке за стаканами, достал из стола штопор с насаженной на него пробкой, как-то спешно снял эту пробку и спрятал в карман брюк, точно сконфузясь чего-то.

¹ А. Н. Апухтин «Chanson a boire». Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.